

№

4

Аутрактъ выходитъ ежедневно. Цѣна изданію—за годъ (10 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 30 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к. и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Аутракта при типографіи П. П. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Руса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Садаевыхъ, Соловьева, Черенца и Глазунова, въ магазинахъ Щрадовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ нижней лавкѣ Большаго театра; въ С. Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ. Объявленія для напечатанія въ Аутрактѣ принимаются въ конторахъ типографій Смирнова и Руса съ платою по 3 к. с. за строку обыкновеннаго шрифта.

Содержаніе: Московскій театръ (Бенефисъ г. Шумскаго).—Смѣсь (Представленіе *Смерти Іоанна Грознаго* на веймарской сценѣ. Новая пѣса. *Разбойники* Шплера. Лекціи о драматическомъ искусствѣ. Спектакли великимъ постомъ. Концерты г. Сѣрова).—Объявленіе.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Бенефисъ г. Шумскаго.

Давно уже, прельщенные достоинствами пѣсы гр. Толстаго, а также и возбуждаемые разсказами о великолѣпной постановкѣ ея въ Петербургѣ, москвичи ждали ее и на московской сценѣ. «А что, нынѣшнюю зиму будетъ у насъ поставлена *Смерть Іоанна Грознаго?*»—вотъ вопросъ, который московскіе любители театра часто задавали другъ другу въ послѣднія двѣ зимы. Наконецъ, эта пѣса появилась на нашей сценѣ, но, благодаря несчастной системѣ бенефисовъ, появилась только въ концѣ сезона, когда дирекція менѣе всего нуждается въ ея постановкѣ, въ такое время, когда зала Малаго театра и безъ того бываетъ постоянно полна и когда вся московская публика едва-ли успѣетъ пересмотрѣть эту пѣсу до закрытія театровъ передъ великимъ постомъ. Такъ какъ ожиданіе этой пѣсы было большое, то на другой же день появленія въ продажѣ билетовъ на бенефисъ г. Шумскаго, всѣ мѣста въ театрѣ на первое представленіе этой трагедіи были разобраны, не смотря на высокія цѣны ихъ (бельэтажъ—25 р., кресла отъ 4 до 13 руб. и т. д.) Не дожидаясь, чтобы пѣса прошла въ бенефисъ, объявили ея повтореніе, и билеты на это повтореніе расхватали въ нѣскольکو часовъ; третье представленіе назначили въ бенефисъ г-жи Медлѣевой, также за возвышенныя цѣны, и театръ опять былъ полонъ.

О пѣсѣ графа Толстаго при ея появленіи, сначала въ печати, потомъ на петербургской сценѣ, было такъ

много писано (она разсматривалась съ разныхъ сторонъ, и съ литературной, и съ исторической), что желая говорить объ этой пѣсѣ, невозможно болѣе повторить то, что уже было сказано другими. Правда, по всемъ, что было писано объ этой пѣсѣ, хотя было много и весьма дѣльнаго, но все-таки не пропзнесено еще послѣдняго слова о пей, не отведено еще окончательно ей мѣста, какое она должна занимать въ русской литературѣ вообще и въ драматической въ особенности. Не беремъ и мы на себя пропзвести это послѣднее слово и указать должное ей мѣсто въ литературѣ: это задача слишкомъ трудная и притомъ для рѣшенія ея не достало бы и мѣста въ нашей газетѣ; мы разсмотримъ эту пѣсу со стороны ея сценической, со стороны театральной, такъ какъ разсмотрѣніе именно этой стороны, по нашему мнѣнію, особенно важно для театральной газеты.

Въ русской драматической литературѣ существуютъ только двѣ пѣсы, превосходныя по своей сценической обработкѣ, по своему сценарію, это—*Ревизоръ* и *Нероки* Гоголя. Особенно первая изъ нихъ, сверхъ сполхъ другихъ великихъ красотъ, является превосходною и по своей постройкѣ. Комедія эта, заключающая въ себѣ одной замкнутый міръ, беретъ своимъ содержаніемъ изъ жизни представителей этого міра тотъ именно моментъ, въ которомъ, по выраженію Бѣлинскаго, «сосредоточилась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значеніе, сущность, идея, начало и конецъ.» Въ ней нѣтъ ничего лишняго, ничего недосказаннаго, ничего повторяющагося, ничего нарушающаго цѣлостность

не только ея замысла, но и сценическаго движенія. Изъ нея, какъ говорится, слова не выкинешь—все на своемъ мѣстѣ, все необходимо. Не смотря на незначительность сюжета комедіи, интересъ растетъ въ пей прогрессивно, дѣйствующія лица ея живутъ, развиваются передъ глазами зрителя. И Городничій, трясійся передъ Хлестаковымъ, гордо мечтаетъ о томъ, что «чортъ возьми, славно быть генераломъ» и, обманувшій трехъ губернаторовъ, обманутъ мальчишкой вертопрахомъ, и Хлестаковъ, готовившійся идти въ тюрьму, если только его потащутъ туда «благороднымъ образомъ», важно засѣдаетъ въ гостинной Городничаго, рассказывая о томъ, какъ онъ играетъ въ вистъ съ посланвикамъ и во дворецъ ѣздитъ; не вмѣвшій мелочи послать на рыпокъ кушать сайку, ускользываетъ на курьерской тройкѣ болѣе чѣмъ съ тысячею рублей въ карманѣ. Во всей комедіи, повторимъ, не найдется ничего лишняго, несвязаннаго съ цѣлымъ, неслужащаго ея общей идее и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего, задерживающаго ея сценическое представленіе. Да, сценарій ея превосходенъ, это истинно сценическая пьеса, не имѣющая даже тѣхъ недостатковъ, которыхъ нельзя не замѣтить въ другой, тоже превосходно-сценической пьесѣ Гоголя, *Нероки*. Эти сценическіе недостатки *Нероки* въ длиннотѣ одноактной комедіи, продолжающейся на сценѣ слишкомъ часъ, и рассказы Швахнева и Утѣшительнаго, рассказы, вообще составляющіе недостатки въ сценаріѣ пьесы. Но *Нероки* имѣютъ за собою огромное сценическое достоинство, это—превосходное веденіе интриги: развязка комедіи *такъ неожиданна*, что ея предвидѣть вѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ она существенно вытекаетъ изъ сущности самой комедіи: на плута—полтора плута. Третья комедія Гоголя, его *Женитьба*, или собственно даже не комедія, а «совершенно негъролтное событіе», какъ назвалъ ее самъ авторъ, слабѣе въ драматическомъ отношеніи и особенно въ сценическомъ. За тѣмъ другія, болѣе или менѣе извѣстныя русскія пьесы не выдерживаютъ критики не только со стороны сценической, но даже вообще со стороны драматической; то онѣ перестаютъ быть комедіями и переходить въ сатиры (какъ напр. *Горе отъ ума* и *Абеда*), то въ нихъ ярко выступаетъ лишенный драматизма, неуклюжій, голый дидактизмъ (какъ напр. въ комедіяхъ Фонъ Визша), то драматургъ заслоняется эпикомъ (какъ напр. въ пьесахъ Островскаго и Чаева), или лирикомъ (какъ напр. въ русскихъ пьесахъ Мей) и т. д. Такимъ образомъ, за приведенными исключеніями, въ русской драматической литературѣ всего болѣе страдаетъ сторона драматическая, а вмѣстѣ съ нею и сторона сценическая. И въ пьесѣ графа Толстаго драматическая, а съ нею и сценическая сторона пьесы, какъ мы постараемся показать въ слѣдующемъ за сямъ разборѣ, составляетъ одну изъ слабыхъ сторонъ трагедіи, вмѣвщей въ другихъ отношеніяхъ неоспоримыя и великія достоинства.

Пьеса гр. Толстаго называется *Смерть Иоанна Гроз-*

наго. Если принять эти слова не въ тѣспомъ, а въ болѣе обширномъ значеніи, то нельзя придумать лучше заглавіи для этой пьесы. Герой ея, самовластис, самовластис полное, безъ мѣры и предѣла, переходящее за границы возможнаго, облеченное въ образъ Иоанна Грознаго, этого ревниваго охранителя самовластія по исторіи, и живаго его олицетворенія по трагедіи гр. Толстаго. Это самовластис, этотъ ничѣмъ неограничиваемый произволъ не останавливается ни предъ чѣмъ. Иоаннъ убиваетъ сына и убиваетъ, какъ онъ самъ говоритъ:

Нарочно я, съ намѣреніемъ и волею
Его убилъ.

Иоаннъ слагаетъ съ себя царскую власть и велитъ боярамъ выбрать себѣ преемника, потому что это такъ ему *любо*, такъ ему *изволилось*; онъ снова принимаетъ эту власть не потому, что бояре молятъ его принять ее снова, а потому, что онъ переимѣнилъ намѣреніе, уже нехочетъ постричься и съ одной стороны обрадованный побѣдой псковской, а съ другой какъ бы подхлестнутый нравственной «лосозю», какъ называетъ Курбскій свое письмо къ нему, снова хочетъ царствовать. Онъ хочетъ развестись съ царицею Марьею Федоровною и сочетаться бракомъ съ племянницею королевы англійской Елизаветы, потому что ему *такъ угодно*, и что ему за дѣло, что скажутъ объ этомъ духовенство, бояре и народъ? Онъ прямо говоритъ царю:

Тебя

Постричь велю я—вотъ и все! Разводъ.
Святителей же, слава Богу, и
не признаю въ мой обрядъ и обряды твои
И требовать отъста отъ меня!

Накопецъ, онъ требуетъ, чтобы сами обстоятельства покорялись ему; онъ отвергаетъ существованіе того чего онъ не знаетъ, онъ говоритъ:

Чего жь не знаю я,—того и нѣтъ!

Онъ даже не признаетъ факта, случившагося противъ его воли: получивъ извѣстіе о побѣдахъ Батуры, онъ пожелѣваетъ считать это извѣстіе ложнымъ, потому что онъ такъ считаетъ, потому что это случилось противъ его воли. Онъ говоритъ:

Гутъ гошчи!

Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ.
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Моя полка! Вѣсть о моей побѣдѣ
Должна придти! И вытѣ же молобы
Побѣдныя служить во всемъ перывамъ!

Эта вершина, до которой только можетъ достичъ ослѣпленнаго самовластис, произволъ, доведенный до пеллчайшей крайности,—и Иоаннъ въ трагедіи гр. Толстаго доходитъ до нея. Далѣе идти некуда и вотъ начинается нисходящее движеніе, начинается *смерть* этого самовластія, *смерть* этого произвола, *смерть Иоанна Грознаго*. Чтобы сломить такую натуру, такое самовластис, такой сверхъестественный произволъ, нужны и средства сверхъестественныя, а между тѣмъ надо, чтобы паденіе, кара заключались въ самомъ Иоаннѣ, чтобы *смерть* его таилась въ самой его *жизни*, чтобы его паденіе, его смерть были мотивированы его же

произволомъ. И графъ Толстой великолѣпно разрѣшилъ эту задачу. Кто и что можетъ сломить Иоанна, какимъ его парисовалъ авторъ, если не самъ опъ, не его собственная воля, не его же собственный произволъ? Не бояре же, казнимые и припущенные грознымъ властителемъ, не народъ, погруженный только въ свои собственные нужды, болѣе или менѣе удоплетворяемыя царемъ, и слѣпо преданный помазаннику божьему, не побѣды Батуры, которыя Иоаннъ даже признавать не хочетъ,—онъ будетъ бороться съ нимъ, пока «вн единаго человѣка не останется въ царствѣ русскомъ» (а людей у него въ одномъ Псковѣ осталось столько, что «еще разъ на пять хватитъ»). И вотъ является прищипа, въ сущности самая пустая, явленіе, самое естественное и хотя рѣдкое, но очень обыкновенное, а между тѣмъ считавшееся за сверхъестественное людьми того времени, является комета; гибель пророчитъ она по понятіямъ XVI вѣка. Кому же эта гибель? О, непременно человѣку великому! Для маленькаго человѣка не стапуть же япляться небесныя знаменія! И Иоаннъ, въ своемъ гордомъ самообольщеніи, *попьялъ* эту комету, *попьялъ*, кому пророчитъ она гибель, не Батурѣ же какому нибудь, «королю панскою милостію», а ему, Иоанну, «владыкѣ милостію божіею». И вотъ эта страшная вѣстница смерти потрясаетъ Иоанна; онъ уже склоняется, склоняется низко, онъ посылаетъ за волхвами, которыхъ осуждаетъ и казнить его же собственныи указъ.

И *вотъ* предъ самовластнаго владыку являіются два простолюдпа, корель и литвинъ, и пзрекають смертныи приговоръ Иоанну, тому Иоанну, который пзрекалъ тысячи смертныи приговоровъ людямъ, въ тысячу разъ сильнѣйшимъ, чѣмъ эти два простолюдпа. Этотъ приговоръ для Иоанна подтверждается самимъ гнѣвомъ божіимъ, проявившимся въ томъ, что *зимою* громъ ударилъ въ его царскій теремъ въ Александровской слободѣ и сжегъ до тла; молнія ударила пменно въ тотъ покой, въ которомъ Иоаннъ умертвилъ своего сына. Самовластіе Грознаго доходитъ до высшей степени, до желанія сверхъестественнаго, до желанія знать будущее царь, не довольствуясь полхвами, призываетъ къ себѣ схимника, тридцать лѣтъ не покидавшаго своей подземной пещеры, и прямо говоритъ ему:

Такииъ мунамъ, какъ ты,
Господь даритъ чудесное пророчіе
И пхъ устами истину глаголетъ.

Изъ этихъ словъ видно, чего хочетъ отъ схимника Иоаннъ. Царь хочетъ знать будущее. Но не будущее открываетъ ему схимникъ; онъ открываетъ ему его прошедшее, освѣщая его такпмъ свѣтомъ, въ какомъ Иоаннъ никогда не видалъ его. Все это сламываетъ гордыню Иоаннову. Онъ валяется въ ногахъ у боярѣ, прося у нихъ себѣ прощенія, по и въ этомъ увиженіи виденъ тотъ же самовластныи Иоаннъ. Когда Шуйскій замѣчаетъ стоящему на колянахъ и кающемуся Грозному:

Помилуй, государь! Тебѣ-ль у яаетъ

Проценна проситъ?

Иоаннъ отвѣчаетъ:

Молчи, хозяинъ!

Я валяться и увижаться властель,

Предъ ильмъ хочи!

И потъ Иоаннъ велитъ отпраптить пословъ къ Батурѣ съ предложеніемъ мира на самыхъ постыдныхъ для Россіи условіяхъ. Безропотные бояре, не смѣвшіе прежде пикнуть слово противъ Иоанна, тутъ не выдержали. Они вступились за земскую честь, но ихъ протестъ заглушенъ самопластіемъ Иоанна, послы отправлены, но все такъ протестъ былъ, а это уже сильныи ударъ для Иоанна. Неспособность Феодора къ царствованію также наноситъ Иоанну тяжелый ударъ и вотъ Иоаннъ падаетъ и физически и нравственно.

Жизнь и сила вспыхиваютъ снова въ Иоаннѣ, но это уже послѣдняя вспышка. Кирпльннъ день, въ который предсказана ему волхвами смерть, насталъ, а здоровью царя не только не хуже, но даже лучше; врачи ручаются за жизнь Иоанна, если только его не потрясетъ что нибудь; постыдное посольство ворочено и ворочено по волѣ Иоанна, а не по протесту боярѣ, снова припжевныхъ и безгласныхъ, неспособность Феодора царствовать парализирована назначеніемъ ему сопѣтниковъ и помощниковъ, комета склоняется къ горизонту и едва видна, Иоаннъ снова торжествуетъ, онъ снова думаетъ о бракѣ съ племянницею Елизаветы, выпраетъ ей подарки, велитъ казнить волхвовъ; его произволъ снова доходитъ до того, что хотя онъ и говорилъ, что

Никто не можетъ

Ковчиги дѣвъ узнатъ впередъ! Никто!

....Развѣ можетъ кто

Сказать впередъ: я проживу вотъ столько,

Иль такъ-то жизнь окончу я мою?

Но тотчасъ же прибавляетъ:

Я проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство
Устроить вповь! Въ мой смертныи часъ, когда
Митрополитъ у моего одра
Молиться будетъ со святымъ синклитомъ,
Я пмъ связу: не плачьте, я утѣшенъ,
Бо легкую прикинетъ спящъ лежащу
Изъ рукъ моихъ! Такъ отойду я къ Богу
И посражятся недруги мои!

Этого мощнаго Иоанна, такъ смѣло распоряжающагося даже временемъ и обстоятельствомъ своей кончины, убпгаетъ одно слово, что волхвы не солгали и что кирпльннъ день еще не прошелъ. И кто же пропзноситъ это слово? Борисъ Годуновъ, тотъ самый, котораго Иоаннъ считалъ за самаго предапнаго, за самаго слѣпаго своего слугу, тотъ самый Годуновъ, которому Иоаннъ говорилъ:

Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что дѣлатель ты добрый и что лучше
Другихъ боярѣ *мою* вернишь ты *волю*,
А въ томъ и вся твоя заслуга.

Жизнь Иоанна кончилась и смерть пришла къ нему. И у его смертнаго одра раздаются не молитвы митрополита со святымъ синклитомъ, какъ предсказывалъ Иоаннъ, а пляска и пѣніе скомороховъ, призванныхъ

Бѣльскимъ для развлечения больнаго царя. Такая ко-
чина хотя и несовѣтъмъ согласна съ исторіею, но очень
гармонизируетъ съ основною мыслию трагедіи (*).

Повторяемъ, идея трагедіи превосходна и отлично
развита, но идея выражается въ формѣ, а форма одною
своею стороною заключается въ построении пьесы.
Оставляя въ сторонѣ характеры дѣйствующихъ лицъ трагедіи,
описованныхъ большею частію хорошо, съ талантомъ
довольно типично, посмотримъ, какъ построена пьеса
графа Толстаго.

Авторъ прямо и весьма ловко переноситъ зрителя
въ боярскую думу самовластителя Іоанна, со всею ея
безхарактерностью, слабостями и неурядицами, въ думу,
собравшуюся по приказу Іоанна для выбора ему пре-
емника. Мы прямо знакомимся съ боярскими мѣстными
счетами, столь много вредившими какъ Россіи, такъ и
самимъ боярамъ; но не знакомимся прямо съ пред-
метомъ засѣданія думы. Авторъ показываетъ намъ пре-
жде споръ за мѣста, а потомъ уже одинъ изъ членовъ
думы, Захарьинъ Юрьевъ, говоритъ о предметѣ засѣ-
данія думы. Если мы услышали бы прямо споръ, кого
избрать преемникомъ Іоанна, и среди этого спора мы
познакомились бы съ родовыми счетами, такъ разъ-
единившими и принципившими бояръ, мы бы непосред-
ственно перенесли къ самому началу трагедіи, а то
споры о мѣстничествѣ, какъ кратко и талантливо и
описованы авторомъ, все таки составляютъ *hors d'oeuvre*
въ пьесѣ, а всякій *hors d'oeuvre* вредитъ сцениче-
скому впечатлѣнію. Потомъ о причинѣ *вредившихъ думъ*
мы узнаемъ изъ *разказа* Захарьина, а не изъ самаго
дѣйствія; а это въ сценическомъ отношеніи уже ошибка:
сцена требуетъ дѣйствія, а не *разказовъ*. После дол-
гихъ пререканій, Борисъ Годуновъ предлагаетъ просить
Іоанна снова остаться на царствѣ; но это предложеніе уже
предварено Татищевымъ, еще прежде Годунова предла-
гавшимъ думѣ тоже самое. Такимъ образомъ слова
Годунова являютъ какъ бы повтореніемъ того, что
уже говорилъ Татищевъ, а сцена повтореній не допу-
скаетъ. Въ концѣ 1-й сцены бояре соглашаются съ
предложеніемъ Годунова и онъ же вызывается передать
Іоанну это предложеніе.

(*) Вотъ какъ историкъ описываетъ кончину Іоанна:
«Въ началѣ 1584 г. обнаружилась въ немъ страшная
болѣзнь, слѣдствіе страшной жизни: гніеніе внутри,
опухоль снаружн. Въ мартѣ разосланы были по мона-
стырямъ грамоты съ просьбами молиться за царя. Го-
ворятъ, что больной распорядился судьбою царства,
ласково обращая къ боярамъ, убѣждалъ сына Федо-
ра царствовать благочестиво, съ любовью и милостію,
избѣгать войны съ христіанскими государствами; завѣ-
щаль уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ
и плѣнныхъ; въ припадкахъ все звалъ убитаго сына
Ивана. Говорятъ также, что испорченнаго природа до
ковца не переставала выставлять своихъ требованій...
Смертнѣй ударъ застигъ Іоанна 18 Марта, когда, по-
чувствовавъ облегченіе, онъ собирался играть въ шашки.
Надъ полумертвымъ совершили обрядъ постриженія и
назвали его Іоною. (Исторія Россіи, Соловьева, VI,
435—436).

Во 2-й картинѣ 1-го акта Іоаннъ, отказавшійся отъ
престола, предоставившій боярамъ избрать ему преем-
ника, мучится раскаяніемъ объ убѣтомъ сынѣ. Но зри-
тель это уже знаетъ изъ *разказа* Захарьина въ 1-й
картинѣ; стало быть, это—повтореніе известнаго уже
зрителю, а сцена не допускаетъ такихъ повтореній;
что нибудь лишнее: или сцена въ боярской думѣ съ
разказомъ Захарьина, или сцена раскаянія Іоанна и
приходъ бояръ просить его остаться на царствѣ; по
нашему мнѣнію, лишняя—сцена въ боярской думѣ, по-
тому что для сценическаго представленія предпочи-
тательнѣе видѣть раскаяніе Іоанна въ самомъ дѣйствиіи, а
не услышать объ немъ изъ *разказа*. О результатѣ бо-
ярскихъ совѣщаній мы узнаемъ изъ отвѣта бояръ Іоанну;
такимъ образомъ изъ сцены въ боярской думѣ непо-
вторяемымъ остается только протестъ Сицкаго, по и
объ немъ мы узнаемъ во 2-й картинѣ изъ того, что
онъ не хотѣлъ идти просить Іоанна остаться на царствѣ
и изъ смертнаго приговора ему. Является гонецъ изъ
Пскова и рассказываетъ объ отбитіи приступа Баторія;
разказъ—самая неудачная форма для сценическаго
представленія; если *разказъ* гонца и интересуетъ зри-
теля, такъ только впечатлѣніемъ, производимымъ на
Іоанна. Тоже должно сказать и о чтеніи передъ Іоанномъ
письма Курбскаго; это тоже *разказъ*, только въ
иной формѣ. Далѣе слѣдуетъ прошепіе бояръ, изъ ко-
торого зритель узнаетъ то, что знаетъ уже изъ пер-
вой картины. Опять повтореніе!

Такимъ образомъ сколько лишняго, сколько бездѣй-
ственнаго, а только *разказываемаго* является въ од-
номъ первомъ актѣ трагедіи!

2-й актъ важенъ для описовки Годунова, но вовсе
не Іоанна; для Іоанна онъ вовсе лишній; въ немъ
Грозный объявляетъ только о своемъ намѣреніи разве-
стись съ Маріею Нагой, своею седьмой сунругой, и
обвѣнчаться съ племянницею Елизаветы, но объ этомъ
въ 3-мъ актѣ трагедіи Іоаннъ, на глазахъ зрителя,
объявляетъ самой царцѣ, и это объявленіе было бы
гораздо сценичнѣе и эффектнѣе, еслибы зритель не
былъ предупрежденъ объ немъ заранее и притомъ
неоднократно. 2-й актъ, повторяемъ, посвященъ Го-
дунову. Вообще трагедія какъ бы распадается на двѣ
части: одну составляетъ драма Іоанна, другую—драма
Годунова; одна составляетъ какъ бы эплогъ трагедіи
о Іоаннѣ, другая какъ бы прологъ трагедіи о Году-
новѣ. Такимъ образомъ дѣйствіе двойное, а съ нимъ
дѣлится и интересъ зрителя, сосредоточиваемый то на
Іоаннѣ, то на Годуновѣ, что очень вредитъ совокуп-
ности впечатлѣнія. Правда, въ нѣкоторыхъ пьесахъ
Шекспира, какъ напр. въ *Король Лиръ*, ведется двой-
ная интрига, но объ интриги этой пьесы, и драма се-
мейства Лира, и драма семейства Глостера, тѣсно свя-
заны другъ съ другомъ и нисколько не вредятъ общей
совокупности впечатлѣнія; въ трагедіи же гр. Толстаго
этого нѣтъ: объ интриги въ этой трагедіи связаны
между собою слишкомъ слабо.

Въ первой картинѣ 3-го дѣйствія Іоаннъ самъ объявляетъ царцѣ Марѣ, что онъ хочетъ съ нею развестись и заключить ее въ монастырь; сцена могла бы быть очень эффектная, еслѣбъ ее не предупреджали для зрителя во первыхъ разговоръ Іоанна съ Годуновымъ (въ 1-й карт. 2-го акта) а во вторыхъ—разговоръ царя съ Захарьиннымъ; опять повтореніе уже извѣстнаго зрителю. Вторая картина 3-го акта—самая драматичная, самая сцелячная. Іоаннъ достигаетъ апогея своего величія и вдругъ посолъ польскаго короля, Гарбурда, бросаетъ ему вмѣстѣ съ желѣзною перчаткою извѣстіе, что Іоаннъ разбитъ и что король польскій—побѣдитель. Это извѣстіе, неожиданное, непредвидѣнное, дѣйствуетъ очень сценично и произведенное имъ на Іоанна впечатлѣніе очень драматично.

1-я картина 4-го акта, въ которой, на площади въ Замоскворѣчьи, по случаю голода, клеветъ Шуйскаго и Бѣльскаго, дворянинъ Киквинъ, возбуждаетъ народъ противъ Годунова, а клеветъ Годунова, дворянинъ Битяговскій, волнуетъ его противъ Шуйскаго, хотя очень хорошо написана и весьма сценична, но къ драмѣ объ Іоаннѣ она вовсе не относится; это снова сцена для драмы о Годуновѣ.

За то 2-я картина этого акта вся посвящена Іоанну. Это—картина, въ которой падаетъ нязко страшная сила Грознаго, сокрушаемая о собственный его произволь. Въ ней нѣтъ ничего лишняго, нѣтъ повтореній и потому нязъ всѣхъ картинъ этой трагедіи она самая сценичная.

Первая картина 5-го акта опять посвящена Борису, а не Іоанну; впрочемъ въ ней, такъ сказать, двѣ эти отдѣльныя драмы связываются болѣе или менѣе, вмѣстѣ, Годуновъ, которому волхвы предсказали царство, рѣшается погубить Іоанна. Но въ этой картинѣ много лишняго для драмы о Іоаннѣ, хотя можетъ быть и необходимо для драмы о Борисѣ. Вторая картина послѣдняго акта очень сценична, въ ней мало лишняго; только послѣдній черезъ чуръ рѣзкій переворотъ въ Годуновѣ является какимъ-то противорѣчіемъ съ постояннымъ характеромъ Бориса. Всегда медлительный, черезъ чуръ осторожный, какъ боярникомъ, такъ и правителемъ, и даже царемъ, Годуновъ въ концѣ трагедіи въ своихъ распоряженіяхъ по смерти Іоанна является такимъ, что Захарьинъ даже говоритъ ему:

Ты скорѣ, бояринъ!

Въ своемъ «Прозктѣ постановки на сцену трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго*», графъ Толстой самъ осуждаетъ такіе нравственные сюрпризы, а между тѣмъ самъ прибѣгаетъ въ концѣ трагедіи къ одному изъ нихъ.

И такъ, разсматривая сценарій трагедіи, мы находимъ, что въ ней мало дѣйствія, много разсказовъ, есть излишества и повторенія, а все это вредитъ ея сценическому успѣху. Поэтому трагедія эта, не смотря на всѣ свои достоинства, смотрится на сценѣ тяжело и не производитъ того эффекта, на который она имѣла бы право рассчитывать по своему громадному замыслу,

по художественной обрпсовкѣ характеровъ и эпохи и вообще по своимъ литературнымъ достоинствамъ.

Немало успѣху этой трагедіи вредитъ и ея двойственность: то это драма о Іоаннѣ, то это драма о Годуновѣ. Самъ гр. Толстой, въ помянутой нами брошюрѣ (Прозктъ постановки на сцену и пр.), сознаетъ эту двойственность, говоря: «Въ *Смерти Іоанна Грознаго* мы видимъ двѣ восходящихъ линіи, изъ которыхъ одна подымается, какъ ракета, держится въ некоторое время на воздухѣ и потомъ быстро опускается, описывая параболу; другая подымается вслѣдъ за ней, пересекаетъ ее въ влсходящемъ пути, а сама не падаетъ, но теряется въ небѣ, выходя изъ рамы трагедіи. Первая линія принадлежитъ Іоанну, вторая—Годунову. Судьба Іоанна, съ той минуты, когда онъ сожалѣетъ о своемъ намѣреніи сойти съ престола, до той, когда онъ падаетъ мертвый, составляетъ одно цѣльное происшествіе, съ его развитіемъ, апогеею и катастрофой. Судьба Годунова не ковчается въ трагедіи; она, когда опускается занавѣсъ, находится въ періодѣ полнаго развитія и образуетъ какъ бы прологъ для новой драмы.» Такимъ образомъ трагедія *Смерть Іоанна Грознаго* является какъ бы раздвоенною, какъ бы пекоченною, и какъ бы только частію другой трагедіи, прологомъ трагедіи о Годуновѣ. Можетъ быть таково и было намѣреніе автора. Извѣстно, что онъ пишетъ пизсу *Царевичъ Ѳеодоръ Іоанновичъ*; не къ ней ли служитъ прологомъ судьба Годунова въ трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго*?

Теперь поговоримъ о постановкѣ и исполненіи *Смерти Іоанна Грознаго* на нашей сценѣ. Начнемъ съ того, чему надо отдать въ этой пизсѣ на нашей сценѣ первенство, это пменно съ ея постановки. Исполняется пизса гораздо хуже, чѣмъ она поставлена. Первое наше слово будетъ о томъ, что насъ особенно поразило и поразило самымъ пріятнѣйшимъ образомъ,—это о постановкѣ народнаго волненія на площади въ Замоскворѣчьи. Извѣстно, что тѣ сцены, гдѣ дѣйствуютъ массы, толпа, народъ, задача самая трудная для режиссера и вообще исполняются неудачно. Постановка народнаго волненія на площади въ *Смерти Іоанна Грознаго* самое счастливое исключеніе; она почти доходитъ до совершенства, такъ эта сцена поставлена искусно, натурально. Не даромъ же и публика отнеслась къ ней пекывальнымъ образомъ, вызвавъ всю толпу, участвовавшую въ этой сценѣ, а нѣкоторые голоса вызывали и режиссера.

Декорации, костюмы и аксесуарныя вещи также превосходны. Мы не видали пизсы графа Толстаго въ Петербургѣ и не можемъ сравнить постановокъ петербургской и московской (иные говорятъ даже, что московская постановка этой пизсы превосходитъ петербургскую) но, оставя всѣ сравненія, скажемъ, что наша дирекція поставила *Смерть Іоанна Грознаго* въ Москвѣ превосходно, за что вполне заслуживаетъ благодарности. Восемь новыхъ декораций и одна одной лучше; изъ двухъ же старыхъ—престольная палата, сдѣланная для др. *Дмитрій Самозванецъ*, очень хороша, и вовсе не было надоб-

ности дѣлать вмѣсто нея повую, но жаль, что не сдѣлали повой декорациі для 1-й картины 1-го акта. Представленная для боярской думы декорациа эта (пзъ др. *Смерть*) сама по себѣ очень хороша, но перейдетъ къ царской думѣ, рисунки которой сохранились до нашего времени. Нельзя налюбоваться на декорациі, сдѣланныя для *Смерти Іоанна Грознаго*, и только придирчивая критика можетъ замѣтить, что напрасно были *исписованы* нѣкоторые аксесуары, какъ напр. посуда, щиты, оружія, и т. п., а не сдѣланы. Они не имѣли необходимого рельефа, чтобы обмануть глазъ, особенно рядомъ съ аксесуарами дѣланными. Еще желательно было бы, чтобы комета, видная въ двухъ картинахъ трагедіи и по своей важной роли въ пзсѣ пеминуемо обращающаяся на себя особенное вниманіе зрителя, была бы сдѣлана покуснѣе, да сглажено было бы слѣдующее, небольшое противорѣчіе въ послѣдней картинѣ 5-го акта. Іоаннъ говоритъ: «Солнце ужъ заходитъ,» стало быть еще день, еще солнце ша пемѣ не закатилось, а на сценѣ горятъ свѣчи и въ окнѣ видна комета. Костюмы тоже очень хороши и весьма богаты, но археологи найдутъ можетъ быть кой-какіе промахи, какъ напр. высокія шапки бояръ; такихъ шапокъ при Грозномъ не носили. Съ своей стороны мы замѣтимъ маленькій педоглядъ въ одеждѣ псковскаго гонца. Костюмъ гонца вполне прекрасенъ: этотъ полунубокъ, малахай и нагайка за поясомъ идутъ къ гонцу, проскакавшему безъ отдыха отъ Пскова до Москвы, гораздо лучше бранной одежды и шлема, которыхъ требуется для гонца авторъ трагедіи въ своей брошюрѣ. Но во всякой одеждѣ гонца есть одинъ недостатокъ: она новешенька, точно съ иголочки, а вѣдь между тѣмъ въ ней проскакалъ гонецъ отъ Пскова до Москвы, да еще по русскимъ дорогамъ XVI вѣка. «На такого рода мелочи,—говоритъ гр. Толстой въ своей брошюрѣ,—слишкомъ мало обращается вниманія, а между тѣмъ онѣ много способствуютъ впечатлѣнію правды, или, лучше сказать, сильно разрушаютъ это чувство».

Теперь перейдемъ къ слабѣйшему, что есть въ постановкѣ на нашей сценѣ этой пзсы, а именно къ исполненію ея актерами.

Репертуаръ московскаго театра, за послѣдній десятокъ лѣтъ состоявшій пзъ пзсы современной обыденной жизни и представлявшій для созданія актеровъ типы лицъ самыхъ обыкновенныхъ, слабыхъ, мелкихъ, не могъ служить къ развитію вообще *силы* въ актерамъ нашей труппы. Еще въ послѣдніе годы стали появляться на нашей сценѣ комедіи Шекспира, Мольера и Кальдерона, но онѣ могли служить только къ развитію *комической*, а не *трагической* силы въ актерамъ; трагическая сила совсѣмъ пропала съ нашей сцены, да при томъ репертуарѣ, который былъ, въ ней не оказывалось и надобности; но когда же потребовалась она, ея на лицо не оказалось у нашихъ актеровъ.

Съ прошлаго года появилась на нашей сценѣ трагическій образъ Іоанна Грознаго. Грозный — сила и сила огромная; такимъ представляютъ его и исторія, и народное преданіе, и нани драматурги. Если не пред-

ставить его огромною силою, то нельзя объяснить ни его самовластиа, ни того, что онъ могъ царствовать цѣлые полвѣка и именно *такъ*, какъ царствовалъ Грозный. «Іоаннъ былъ сила огромная», говоритъ гр. Толстой въ брошюрѣ своей и говоритъ совершенно справедливо. Чтобы выразить эту громадную силу, эту титаническую личность Іоанна, нужна и отъ актера большая сила, какъ нравственная, т. е. сила таланта, такъ и физическая. Последнее слово мы объявимъ слѣдующимъ рассказомъ о Мочаловѣ, который передалъ намъ недавно одинъ изъ его знакомыхъ. Къ Мочалову разъ явился одинъ студентъ, желавшій поступить на сцену на драматическія роли. Онъ прочелъ передъ Мочаловымъ монологъ изъ какой-то трагедіи.—Вы читаете хорошо—сказалъ Мочаловъ—но на сцену вамъ поступить нельзя, у васъ нѣтъ *груди*. Вотъ какова должна быть грудь для того, чтобы малѣйшій вашъ шопотъ былъ слышенъ во всѣхъ углахъ театра.—И съ этими словами Мочаловъ разстегнулъ рубашку и показалъ свою сильную, могучую, высоко-развитую грудь, всю покрытую волосами.

Да, надобно имѣть грудь Мочалова, его чудный голосъ, способный на всевозможные перешвы, чтобы силою его наполнять залу нашего Большаго театра и заставлять содрагаться слушателей. Не сладенькому, хотя и пріятному голосу г. Самарина и не шепелявому (хотя и немного) произношенію г. Шумскаго, те-перешнимъ изобразителямъ на нашей сценѣ Грознаго, производить такой эффектъ. Когда мы читали трагедію графа Толстаго, воображенію нашему въ роли Грознаго, этого «царя отъ головы до пятъ» представлялись Каратыгинъ и Мочаловъ, эти сценнческіе тоже «цари отъ головы до пятъ», припомнился намъ и Каратыгинъ въ *Людвигѣ XI* и Мочаловъ въ *Ричардѣ III*.

То была вѣкъ богатырей!

Не даромъ Мочалову такъ хотѣлось сыграть Грознаго въ *Опричкѣ* Лажечникова; но въ то время цензура не допускала Іоанна IV на сцену, и когда этой колоссальной личности было дозволено явиться на театрѣ, она не нашла на пей исполнителей, достаточно епльныхъ, чтобы олицетворить ее.

На нашей сценѣ роль Іоанна Грознаго исполняли два актера—Самаринъ и Шумскій (первый въ *Опричкѣ* и въ *Василесѣ Желентьевой*, второй въ *Смерти Іоанна Грознаго*); у обонхъ у нихъ недостаетъ силы для изображения этого грандіознаго образа; оба они слабы въ этой роли, у обонхъ у нихъ *Грозный* не *грозенъ*. Но г. Самаринъ мы предпочтемъ, потому что онъ хоть хорошо читаетъ стихи, а у г. Шумскаго нѣтъ даже хорошаго чтенія стиховъ; то онъ пропоетъ нѣсколько словъ, то поглотитъ нѣкоторыя пзъ нихъ, то сдѣлаетъ пенужную паузу, отдѣливъ ея прилагательное отъ существительнаго, подлежащее отъ сказуемаго (какъ напр. въ стихѣ: «Червецъ же вѣрность — женскую — блудетъ» и во многихъ другихъ). Роль Грознаго совершенно ему не по силамъ и не удалась ему. Лучшее

доказательство этому то, что наша публика, прекрасно встрѣтившая бенефицианта, такъ любящая г. Шумскаго и охотно ему аплодирующая, прослушала цѣлые два акта трагедіи безъ аплодисментовъ и вызововъ своему любимцу. Она начала вызывать его съ 4-го акта, когда дѣйствительно г. Шумскій нѣсколько болѣе вошелъ въ роль и одушевился и когда сама роль, болѣе развиваясь въ пьесѣ, стала, что называется, поддерживать и вывозить артиста.

Почти рядомъ съ ролью Грознаго въ пьесѣ гр. Толстаго стоитъ роль Борса Годунова. Роль эта, кромѣ, само собою разумѣется, врожденнаго таланта, требуетъ отъ актера большаго искусства и богатыхъ физическихъ средствъ. Г. Вильде—актеръ умный и искусный, но искусства его не хватало, чтобы вполне хорошо передать трудную роль Годунова, да и физическія его средства оказались недостаточными для этой роли. Графъ Толстой въ не разъ называемой памп брошюрѣ говоритъ: «Въ трагедіи приемы Годунова благородны и сдержанны, голосъ его никогда не возвышается, исключая въ разговорѣ съ волхвами и въ слѣдующемъ за нимъ монологѣ, но и то умеренно. Держитъ онъ себя сообразно тому, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Къ равнымъ онъ относится скромно, къ Иоанну съ благоговѣніемъ, къ Захарьину съ почтительною довѣрчивостію, къ царевичу Федору, до его вступленія на престолъ, съ родственною дружбою, не забывающею разстоянія, которое ихъ разделяетъ. Съ Витязовскимъ онъ говоритъ поспешно и смотритъ на него какъ на червяка, котораго можетъ раздавить во всякую минуту. Сверхъ того Годуновъ мастеръ измѣнять свои приемы, смотря по обстоятельствамъ.» Въ другомъ мѣстѣ гр. Толстой прибавляетъ, что голосъ у Годунова *мягкій*. Виднелъ ли, какого разнообразія, какихъ отгѣнковъ требуетъ гр. Толстой, согласно съ характеромъ роли Годунова, отъ его исполнителя? Г. Вильде не передалъ нѣтъ этихъ отгѣнковъ и былъ однообразенъ въ этой роли, отъ чего роль и пострадала. При томъ самый голосъ г. Вильде, хотя чистый и вѣрный, лишенъ мягкости, а мягкость-то и была необходима для голоса Годунова.

Г. Владыкинъ очень старательно и довольно типично передалъ роль Шуйскаго. Имъ хорошо было выражено, какъ во 2-й картинѣ 2-го акта Шуйскій наслаждается эффектомъ своей хитрости, произведеннымъ на бояръ, сговаривающихся вмѣстѣ съ нимъ противъ Годунова.

Симпатичная личность Захарьина, такъ тепло сохранившаяся въ народныхъ преданіяхъ, была недурно передана г. Петровымъ, хотя можно пожелать, чтобы исполненію этой роли артистъ передалъ еще болѣе симпатичности.

Мы не согласны съ исполненіемъ г. Самарина роли Сидкаго. Реплики свои боярамъ и отзывъ о Грозномъ онъ передалъ недостаточно горячо, съ излишне-мягкою провѣею, между тѣмъ какъ Сидкаій, у котораго болитъ душа, у котораго сердце ваболѣло, который говоритъ, презирая страхъ смертный, который знаетъ, что за слова свои заплатится головою, долженъ произ-

носить свой протестъ съ большою силою, съ большою рѣзкостью, а не съ мягкой провѣею. При томъ, какъ этого требуетъ и авторъ трагедіи, Сидкаій долженъ быть молодъ, потому что при Иоаннѣ такіе люди достарости не достигали, а г. Самаринъ игралъ его человекомъ пожилыхъ лѣтъ.

Остальныя бояре исполнили свои роли удовлетворительно. Г. Александровъ прочелъ весьма недурно письмо Курбскаго.

Г. Садовскій игралъ роль Гарабурды и игралъ хорошо; только мы бы желали видѣть въ немъ побольше того лукаваго простодушія, которое такъ свойственно малороссамъ, и слышать болѣе мягкой южнорусскій выговоръ въ его словахъ, особенно при пропозовеніи буквъ *з* и *в*.

Царевича Феодора исполнилъ г. Рябовъ очень старательно, но, къ сожалѣнію, едва не сдѣлалъ его смѣшнымъ. Онъ можетъ быть жалокъ, но не смѣшонъ.

Въ г. Живокини 2-мъ, при исполненіи имъ роли Витязовскаго, мы не видѣли одной черты, которая придана авторомъ трагедіи Витязовскому и которая хотя отчасти скрашиваетъ всю отвратительность этой личности, а именно отчаянной удачи.

Г. Федотовъ очень хорошо передалъ притворнаго страпника, подъ видомъ котораго является на площади клеветъ Вѣльскаго—рязанскій дворянинъ Кикниъ. Также мы ничего не можемъ сказать противъ исполненія г. Дмитревекима роли схимника.

Выведенный въ пьесѣ гр. Толстаго лейбъ-медикъ английской королевы Елизаветы, Робертъ Никсон, который былъ присланъ Елизаветою въ Москву съ письмомъ къ Иоанну IV въ 1581 г., долженъ отличаться изяществомъ своихъ манеръ отъ всѣхъ русскихъ лицъ трагедіи. Онъ на столько же цивилизованнѣе ихъ, насколько Англія вообще въ то время была цивилизованнѣе Россіи; а какъ велика была эта разница, видно уже изъ одного того, что почти въ то время, какъ одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ русскихъ людей, московскій протопопъ Сильвестръ, писалъ въ своемъ «Домостроѣ»: «А только великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное послушаніе и небреженіе (жены), мно сойма рубашку влеткою вѣжливенько побить, за руки держа по винѣ смотря (Домострой, гл. 38-я)», почти въ то же время, спустя только какіенбудь сорокъ лѣтъ, лондонскій актеръ, Шекспиръ рисовалъ чудные образы Офеліи, Дездемоны, Корделии, Изабеллы. Ну, а такой разницы въ цивилизаціи между русскими и англичаниномъ того времени по погѣ и манерамъ г. Колосова, исполнившаго роль Якоби, мы не замѣтили.

Мы недовольны также и исполненіемъ г. Миленскаго роли псковскаго гопца. Онъ именно впалъ въ то, отъ чего гр. Толстой въ своей брошюрѣ предостерегаетъ исполнителей этой роли, овъ впалъ въ декламацію. При томъ онъ нѣсколько растягивалъ рассказъ между тѣмъ, какъ гонецъ *спѣшитъ* передать Иоанну радостную вѣсть, не забывая впрочемъ при этомъ и ея подробности. Впрочемъ въ растянутости этой сцены виноваты и г. Шумскій,

не скоро подававшей свои реплики въ то время, какъ Іоаннъ горитъ нетерпѣніемъ узнать исходъ дѣла подъ Псковомъ.

Гг. Никитинъ и Кремьевъ очень недурно исполнили роли волхвовъ; только немного побольше простоты въ ихъ отвѣтахъ не помѣшало бы дѣлу. Вѣдь они простолюдины, а у простолюдиновъ проста даже ихъ торжественная рѣчь.

Изъ женскихъ ролей мы скажемъ слова два только о г-жахъ Медвѣдовой (царица Марья) и Акимовой (Мамка); а о г-жахъ Федотовой и Мухиной, исполнявшихъ крошечныя роли Годуновой и Ирины, впрочемъ и говорить: ихъ роли слишкомъ незначительны.

Г-жа Медвѣдова была бы хороша въ роли царицы Маріи, еслбы только въ сценахъ съ Захарьинимъ не забыла плакать. Она подваситъ къ глазамъ руку въ то время, какъ Захарьинъ говоритъ ей: «Отри скорѣй глаза!» А между тѣмъ прежде мы не замѣтили, чтобы она плакала.

Игра г-жи Акимовой отличалась тою же жизненностью, которою вообще отличается игра этой талантливой артистки, и которая, къ сожалѣнію, иногда переходитъ у ней въ крайность.

Смерть Іоанна Грознаго имѣла успѣхъ, но успѣхъ неполный. Этимъ она обязала тѣмъ излѣшествами, длиннотамъ, повтореніямъ, о которыхъ мы говорили, и слабому исполненію главныхъ ролей. Публика вызвала автора, но его въ театрѣ не было; онъ теперь въ Веймарѣ на постановкѣ своей трагедіи на тамошней сценѣ.

С М Ъ С Ъ.

Въ «National Zeitung» отъ 2-го февраля (п. с.) пишутъ изъ Веймара: «30-го января разыграна была на здѣшней придворной сценѣ новинка: пьеса графа Толстаго «Іоаннъ Грозный», переведенная на нѣмецкій языкъ г-жою Павловой. Эта пьеса, быть можетъ, представляель

вѣрную картинку того варварскаго положенія, въ какомъ находилась Россія при Іоаннѣ Грозномъ, но не можетъ быть никоимъ образомъ причислена къ разряду «трагедій» (?). Пьеса графа Толстаго была поставлена на сцену весьма тщательно; благодаря искусной игрѣ актеровъ, она имѣла полный успѣхъ, заставившій пожалѣть о томъ, что произведенія многихъ даровитѣйшихъ писателей не пользуются такимъ же вниманіемъ.»

Разрѣшена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театральною-цензурою *Парижская масленица, или что значить костюмы*, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланная съ французскаго Кичеевымъ.

На петербургской русской сценѣ 2-го февраля пойдутъ *Разбойники* Шпллера, не шедшіе уже въ Россіи съ 1849 года. Роль Карла Моора будетъ играть г. Нильскій, а роль Франца Моора—г. Самойловъ.

23 января, режиссеръ петербургской русской драматической труппы, г. Вороновъ, началъ въ петербургскомъ театральномъ училищѣ чтеніе лекцій о драматическомъ искусствѣ.

Въ «Голосѣ» сообщаютъ слухъ, что предстоящимъ великимъ постомъ будутъ разрѣшены драматическія представленія и что они на петербургскихъ театрахъ начнутся со втораго недѣли поста. Отъ души желаемъ, чтобы этотъ слухъ былъ справедливъ и чтобы дозволеніе давать спектакли великимъ постомъ было распространено, какъ на московскіе, такъ и на всѣ театры въ Россіи.

Авторъ *Юдиши* и *Рогильды*, А. Н. Сѣровъ, намѣренъ дать въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, нѣсколько концертовъ, составленныхъ изъ его сочиненій, въ числѣ которыхъ будутъ еще выгдѣ неспоявшіяся.

Редакторъ В. Родиславскій.

Издатель А. Пономаревъ.

ЧАСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЪ КОНТОРѢ

КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о,

На Мясницкой, противъ дома г. Черткова,

ПРОДАЖА и ПОКУПКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.

ПРОДАЖА, ПОКУПКА и ССУДЫ ПОДЪ ЗАЛОГЪ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ осудъ, по выкупнымъ предъявленнымъ сдѣлкамъ и уставнымъ грамотамъ.